

Бригадина, О. В. Российский эмигранты первой волны (1920–1930-е гг.) о революции 1917 г. В России: источниковедческий анализ / О.В. Бригадина // Крыніцазнаўства і спецыяльныя гістарычныя дысцыпліны. Вып. 1 / рэдкал.: С. М. Ходзін (адк. рэдактар) [і інш.]. — Мінск: БДУ, 2002. - С. 178–186.

О. В. БРИГАДИНА

РОССИЙСКИЕ ЭМИГРАНТЫ ПЕРВОЙ ВОЛНЫ (1920—1930-е гг.) О РЕВОЛЮЦИИ 1917 г. В РОССИИ: ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

Возросший в последние годы интерес к историческому наследию российского зарубежья закономерен. Идет процесс переосмысления исторической судьбы страны, все сильнее становится убеждение, что зарубежная Россия — это сконцентрированная национально-культурная, религиозно-философская сущность России внутренней. Растет интерес к духовному наследию российской эмиграции, ее политическому и социальному опыту.

Постепенному преодолению идеологического мифа об эмигрантах как бездуховных отщепенцах, предавших родину, способствует активная разработка истории эмиграции. На смену советским исследованиям, в которых предвзято и фрагментарно освещались лишь отдельные аспекты эмигрантской темы, появляются работы, рассматривающие эмиграцию с точки зрения признания и человеческого понимания. Современные направления научного поиска охватывают широкий спектр проблемы: это анализ политических течений эмиграции, правовой статус и механизм адаптации российских беженцев, исследование эмиграции как феномена европейской культуры, изучение характера воздействия эмиграции на ситуацию внутри России и другие.

Изучению эмигрантского наследия помогает публикация неизвестных ранее источников в сборниках¹, хрестоматиях², антологиях и справочниках³. Неизвестная ранее информация помещена в энциклопедическом биографическом словаре «Русское Зарубежье. Золотая книга эмиграции. Первая треть XX в.», вышедшем в издательстве РОССПЭН в 1997 г., а также многочисленных

178

библиографических указателей и путеводителей⁴. Отдельными книгами переизданы или напечатаны впервые «Очерки русской смуты» А. Деникина, «Записки» П. Врангеля, «Красный террор в России» С. Мельгунова, произведения Н. Бердяева, Р. Гуля, В. Варшавского, П. Краснова и других известных эмигрантов.

Примечательно, что многие воспоминания белоэмигрантов в пропагандистских целях были частично или полностью опубликованы в 1920-е гг. Это «Дневник» («Начало гражданской войны») А. Будберга, «Белые мемуары» И. Василевского, «Поход и смерть генерала Корнилова» А. Деникина. Обреченность антибольшевистского движения должен был продемонстрировать 5-томный сборник «Революция и гражданская война в описаниях белогвардейцев». В этом издании непоследовательность действий Временного правительства должны были подтвердить воспоминания придворной дамы А. Вырубовой, княгини Палей, убежденного монархиста В. Шульгина, генералов А. Деникина, А. Лукомского и П. Краснова, политических деятелей П. Милюкова и Ф. Дана⁵. В явно разоблачительных целях были изданы мемуары бывших эмигрантов, вернувшихся в СССР после 1945 г.⁶

Вместе с пониманием о недостаточно исследованных, а порой и совсем не изученных периодах в российской истории новейшего времени, исчезают сомнения относительно необходимости привлечения для научного поиска многообразных архивных материалов эмиграции. Крупнейшее собрание исторических источников — Русский заграничный исторический архив (РЗИА), основанный в 1923 г. в Праге (в 1945 г. частично передан СССР). Наиболее полно в фондах архива представлены материалы по истории революции и гражданской войны: личные фонды А. Деникина, В. Шульгина, А. Гучкова, П. Струве, С. Прокоповича, П. Милюкова и других видных деятелей эмиграции. Кропотливая и многолетняя работа сотрудников архива позволила сохранить и систематизировать самые разнообразные материалы: документы общественных организаций и учреждений (например, Русского юридического института и Института изучения России в Праге), материалы редакций эмигрантских газет и журналов («Руль», «Последние новости», «Воля России» и др.), обширную переписку деятелей эмиграции с П. Б. Струве, дневники В. А. Оболенского, более 30 тыс. листов личного фонда генерала А. А. фон Лампе⁷. Благо-

179

даря доступности архивных источников в последние годы ведется активная работа по изданию сборников и историко-документальных альманахов⁸.

Большой интерес для профессиональных историков и массового читателя представляет 22-томный «Архив русской революции», в котором помещены свидетельства многих деятелей и участников революции 1917 г. и гражданской войны: воспоминания донского атамана генерала П. И. Краснова, баронессы М. Д. Врангель, председателя Государственной думы М. В. Родзянко, «Дневник» барона А. Будберга,

многочисленные дневники и письма эмигрантов, отражающие самые различные стороны российского прошлого⁹. Приступая в 1921 г. к изданию этого архива, инициативная группа во главе с одним из лидеров кадетской партии И. В. Гессеном отчетливо осознавала, что «если сейчас не записывать всего, чему каждый свидетелем был... то многое из фактических данных пропадет бесследно, и такой недостаток может безнадежно затруднить раскрытие истинного смысла переживаемого нами исторического перелома»¹⁰. С этим мнением трудно не согласиться. Объективно и всесторонне историю революции 1917 г. можно проанализировать и исследовать, лишь изучая воспоминания непосредственных ее участников. Свидетельства эмигрантов позволяют увидеть личностное отношение к тем или иным событиям и представляют несомненный интерес, как в конкретно-историческом, так и в источниковедческом плане. Многие авторы понимали, что воспоминания будут восприниматься как субъективные. «Правдивая история данной эпохи пишется не ее современниками, — признавал генерал А. С. Лукомский, — а последующими историками, которые описаниями современников пользуются как материалом... Буду писать и делать заключения — как это представляется мне. А истина получится из сопоставления различных описаний одних и тех же событий»¹¹.

Анализ и описание опыта русской революции, прогнозирование дальнейших путей развития страны, перспектив ее возрождения явились в 1920—1930-е гг. самой волнующей российской послеоктябрьскую эмиграцию проблемой. При всем многообразии интересов и пристрастий, пестрая по своему социальному и национальному составу, представлявшая собой «смешение племен,

наречий, состояний и политических верований», эмиграция не переставала чувствовать себя неотъемлемой частью России и ее судьбы. В первые годы изгнания случилось, не в состоянии были «понять всего трагизма... Ощущали себя устраненными жизнью... с опустошенной душой»¹². Часть русского зарубежья, которое Ф. А. Степун определил как «эмигрантщину», воспринимало революцию в России как свою личную беду, оценивая происшедшее сквозь призму причиненных ей страданий.

Подавляющее большинство российского зарубежья резко отрицательно относилось к пролетарской революции, оценивая ее как национальную катастрофу. Многоликая эмиграция — от политических лидеров и монархистов до деятелей культуры и военных — была солидарна в главном: неприятие идеологии и практики большевизма, борьба с которым являлась нравственно оправданной.

Опубликовано немало свидетельств, подтверждающих антибольшевизм эмигрантской среды¹³. По мнению И. А. Бунина «произошло великое падение России, а вместе с тем и человека... величайшее в мире поправление и бесчестие всех основ человеческого существования». Писатель называет пролетарскую революцию «кроваво-кошмарным балаганом», а Ленина — «пролетарским злодеем»¹⁴. А. М. Ремизов в ответ на октябрьские события в Петрограде пишет свое печально-знаменитое «Слово о гибели земли русской», а бывший сатириконец Дон-Аминадо (Аминад Петрович Шполянский) предупреждает, что «русская Вандея... в перчатках не нуждается... Все еще впереди! И военный коммунизм, и вобла, и вымирающее от голода Поволжье... и адмиральская пощечина генералиссимусу Троцкому...»¹⁵.

Эмигрантам в значительной мере было свойственно эмоциональное отношение к случившемуся, многие все еще продолжали считать победу большевиков случайным стечением обстоятельств. В сознании бытовало упрощенное представление о большевиках, как о «шайке злоумышленников», посланных в Россию враждебной Германией. Однако спустя некоторое время эмоции уступают место попыткам анализа. Примечательна в этом отношении мемуарно-исследовательская литература пассажиров «философского парохода», т. е. ученых, политиков, философов, изгнанных из

России в 1922 г., накопивших 5-летний опыт наблюдений жизни страны изнутри.

По мнению большинства эмигрантских авторов, революция 1917 г. была подготовлена всем ходом русской истории и имела закономерный характер. В начале XX в. у России практически не было шансов мирным путем разрешить многочисленные противоречия. Эмигрантская мысль сходилась во мнении, что в стране с учетом своеобразия ее исторического пути, особенностей менталитета и общего уровня политической и правовой культуры масс другой (эволюционный) вариант развития событий был неосуществим. Преобладала точка зрения на революцию как единый политический процесс. П. Н. Милуков в книге «История второй русской революции» утверждал, что революция не могла остановиться на «Феврале», и что «Октябрь» был фактически предопределен. По мнению философа П. И. Новгородцева, Россия под знаменем «завоеваний революции... с неудержимой силой катилась к торжеству большевизма. Князь Львов, Керенский и Ленин связаны между собой неразрывной связью...»¹⁶.

Пытались ответить на вопрос «кто виноват?», самое пристальное внимание уделялось анализу деятельности конкретных людей, оставивших свой след в революционных событиях. Блестящие и явно субъективные характеристики членам Временного правительства дал в своих воспоминаниях бывший управляющий делами правительства В. Д. Набоков. Автор не мог скрыть своего разочарования и тревоги, видя, кто решал в те дни судьбу России. Князь Г. К. Львов — «бездарнейший и неумный человек, как-то

внезапно выдвинутый и при жизни канонизированный», «маленький человек, попавший на большое место ... всюду и везде делал глупости». Весьма нелестно отзывался о А. Ф. Керенском, отметив специфические особенности «случайного маленького человека в революции». «Совершенно беспомощным» были, по его мнению, и меньшевистский лидер Церетели, и бывший камер-юнкер Стеклов, и министр финансов Терещенко¹⁷.

Претензии к А. Ф. Керенскому высказывали и другие эмигранты: княгиня Палей, В. В. Шульгин, П. И. Краснов, З. Н. Гиппиус. Выделим лишь замечание донского атамана Краснова: «У Керенского не было для его поста главного — воли. Не было

власти, настоящей власти, а не позирования на власть, ... под его командованием армия... гибла»¹⁸.

Оценивая роль В. И. Ленина в российской катастрофе, тональность эмигрантской критики уже иная: гневно-обличительная с оттенками ненависти и страха. У И. А. Бунина — это «дикарь, который... дерзнул на то, чему ужаснулся бы сам дьявол», у Ф. А. Степуна — это «вульгарный материалист и злостный безбожник», он «не понимает русской истории, в которой видит исключительно только погромы, виселицы, пытки, голод ... не понимает православия, не понимает национального чувства, ... в конце концов, не понимает даже и русского мужика ... Раб своего революционного мифа»¹⁹. Дальнейшее осмысление и более взвешенный анализ сути российской революции привели некоторых авторов к размышлениям об особенностях «русского духа» как первопричине революции. Так Ф. А. Степун утверждал, что «в русской душе есть целый ряд свойств, благодаря которым она с легкостью, быть может не свойственной другим европейским народам, становится ... игрищем темных оборотнически-провокационных сил, в ней сосуществуют «идеал Мадонны и идеал Содомский»²⁰. Философ С. А. Аскольдов (Алексеев) считал, что «в русском человеке ... наиболее сильными являются начала святое и звериное»²¹. Причины кризисного развития русской истории, по мнению С. Л. Франка и других эмигрантов, лежали в существовавшем в России глубоком отчуждении между образованными классами и остальной частью народа, между верхами и низами общества. Революция стала выражением исконно русского мужицкого чувства вражды к дворянству и его культуре, это была «всероссийская пугачевщина начала XX века»²². Стремление народа освободиться от чуждого и непонятного ему культурного слоя зародилось, по мнению Г. П. Федотова, еще в эпоху реформ Петра I. Философ рассматривает революцию 1917 г. как закономерное следствие событий первой четверти XVIII в., когда Петр I «строил империю, не изменив сознания людей. Это повлекло за собой раскол общества и непонимание между низшими и высшими его слоями»²³.

Продолжая развивать тему специфики русской революции, эмигрантская мысль вышла на вопрос об идейных корнях и истоках русского большевизма. В ходе дискуссий выявились две по-

зиции. Одни авторы — сменовеховцы, евразийцы, Н. А. Бердяев видели первопричину в национальной, «почвенной» специфике; другие — П. Б. Струве, М. Вишняк — стремились связать идейное происхождение большевизма исключительно с марксизмом. Н. А. Бердяев пытался доказать внутреннюю предрасположенность русского народа, интеллигенции и общественного сознания к идеям социальной справедливости. Большевизм, по его мнению, соответствовал русским традициям (соборность, община, уравнилельный идеал) и русским исканиям универсальной правды, «... явился неотвратимой судьбой России...»²⁴.

Оппонируя, П. Б. Струве указывал на два обстоятельства, определивших развитие России. От утверждал, что дело не в национальных особенностях и якобы присущих народу «коммунистических инстинктах», а в совпадении социально-политической эволюции в России с зарождением социалистических идей на Западе. Но русский народ еще не был готов к восприятию «западной свободы, к собственности вообще, к земельной — в частности... Русская революция явилась результатом соединения в одном потоке социалистической (коммунистической) отравы и самобытной бунтарской энергии чуждых собственности народных масс»²⁵. В «Дневнике политика», напечатанном в газете «Россия» в 1927 г., он констатировал, что «большевистская коммунистическая революция открыла в России невиданную в истории экономическую и культурную реакцию... не торжество, а крушение и погребение того социализма, который мыслится как целостный, заранее выдуманный... порядок»²⁶.

Таким образом, всестороннее и непредвзятое изучение наследия российского зарубежья позволяет по-новому осмыслить многие проблемы российской истории вообще и революционной истории России — в частности. Эмиграция не ограничивалась простым отрицанием и неприятием большевистской революции, она пыталась понять истинные причины случившегося, осмыслить перспективы будущего развития страны. Накопленный интеллектуальный опыт должен быть использован в обществе, которое называет себя цивилизованным и гражданским.

¹ Российский архив. История Отечества в свидетельствах и документах XVIII—XX в. М., 1993—1997; Культура Российского зарубежья. Труды Рос-

- сийского института культурологии. М., 1995. Культурная миссия Российского зарубежья: История и современность. М., 1996.
- ² Хрестоматия по истории России первой половины XX века. Спорные вопросы истории / Сост. И. С. Хромова. М., 1994; Орлов А. С., Георгиев В. А., Георгиева И. Г., Сивохина Г. А. Хрестоматия по истории России с древнейших времен до наших дней: Учебное пособие. М., 1999.
- ³ Цивилизация — Власть — Народ: Антология произведений русских философов-эмигрантов. М., 1993; Писатели русского зарубежья. (1918—1940). Справочник: В 3 ч. М., 1994—1995.
- ⁴ Алексеев А. Д. Литература русского зарубежья. Книги 1917—1940: материалы к библиографии. СПб., 1993; Сводный каталог русских зарубежных периодических и продолжающихся изданий в библиотеках Санкт-Петербурга (1917—1992). СПб., 1993; Струве Г. П. Русская литература в изгнании. 3 изд., испр. и доп. СПб., 2000; Краткий биографический словарь русского зарубежья. М., 1996.
- ⁵ См.: Белоэмигранты о большевиках и пролетарской революции: В 2 кн. Кн. 1 Февральская революция в воспоминаниях придворных генералов, монархистов и членов временного правительства. Кн. 2 Враги о пролетарской революции в России. Пермь, 1991.
- ⁶ Любимов Л. На чужбине. М., 1963; Мейснер Д. Исповедь старого эмигранта. М., 1963; Он же. Миражи и действительность. М., 1966; Бенуа Н. Сорок три года в разлуке // Простор. 1967. № 9, 10, 12; Александров А. На чужих берегах. Воспоминания эмигранта. М., 1987.
- ⁷ Павлова Т. Ф. Русский заграничный исторический архив в Праге // Вопросы истории. 1990. № 11; Архивы РЗИА // Отечественные архивы. 1996. № 4; Попов А. Русское Зарубежье и архивы. Документы российской эмиграции в архивах Москвы: проблемы выявления, комплектования, описания, использования. М., 1998.
- ⁸ Русское прошлое. Историко-документальный альманах. Кн. 1—7. СПб., 1992—1997; Русская советская эмиграция 20-х—40-х годов. Документы и материалы. Т. 1. Так начиналось изгнание. 1920—1922. Кн. 1. Исход; Кн. 2. На чужбине. М., 1997.
- ⁹ Архив русской революции. Кн. I—XXII. Берлин, 1921—1937. Репринт. М., 1991—1995.
- ¹⁰ Цит. по: Бордюгов Г. А., Ушаков А. И., Чураков В. Ю. Белое дело: идеология, основы, режимы власти. Историографические очерки. М., 1998. С. 111.
- ¹¹ Там же. С. 113.
- ¹² Оболенский В. А. Дневник эмигранта // Исторический архив. 2000. № 4. С. 58.
- ¹³ См.: Из глубины: Сборник статей о русской революции. М., 1990; Под созвездием Топола: Петроград 1917 года — знакомый и незнакомый. М., 1991; Интеллигенция — Власть — Народ: Антология произведений русских философов-эмигрантов. М., 1993; Хрестоматия по истории России первой половины XX века. Спорные вопросы истории. Раздел II. 1917 год. М., 1994; Гиппиус З. Дневники: В 2 т. М., 1999. Т. 2. С. 161.
- ¹⁴ Бунин И. А. Окаянные дни. Воспоминания. Статьи. М., 1990. С. 352—353.

- ¹⁵ Дон-Аминадо. Поезд на третьем пути. М., 1991. С. 191.
- ¹⁶ Омельченко Н. А. Политическая мысль русского зарубежья. Очерки истории. (1920 — начало 1930-х годов). М., 1997. С. 105.
- ¹⁷ Набоков В. Д. Временное правительство (Воспоминания). М., 1991. С. 36, 41, 45, 73.
- ¹⁸ См.: Белоэмигранты о большевиках и пролетарской революции. Пермь, 1991. Кн. 1. С. 56, 96; Кн. 2. С. 153.
- ¹⁹ Бунин И. А. Окаянные дни: Неизвестный Бунин. М., 1991. С. 328; Степун Ф. А. Мысли о России // Новый мир. 1991. № 6. С. 232.
- ²⁰ Степун Ф. А. Указ. сач. С. 233;
- ²¹ Аскольдов С. А. Религиозный смысл русской революции // Из глубины: Сборник статей о русской революции. С. 33.
- ²² Цит. по: Омельченко Н. А. Указ. соч. С. 140.
- ²³ Федотов Г. П. Письма о русской культуре // Судьба и грехи России: В 2 т. СПб., 1992. Т. 2. С. 132.
- ²⁴ Бердяев Н. А. Истоки и смысл русского коммунизма. М., 1990. С. 93, 100.
- ²⁵ Струве П. Б. Исторический смысл русской революции и национальные задачи // Из глубины: Сборник статей о русской революции. С. 235, 237, 242.
- ²⁶ Струве П. Б. Дневник политика // Новый мир. 1991. № 4. С. 224.